

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Partiia Sotsialistov - revoliutsionerov
ПАРТІЯ СОЦІАЛІСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

ВЪ БОРЬБѢ ОБРѢТЕШЬ ТЫ ПРАВО СВОЕ!

Среди рабочих
Среди рабочихъ

✓ 1880-84 гг.
ВЪ 1880—84 гг.

ЦѢНА 20 с.

1905 г.

лучаго
тя въ тѣ
дно жи-
ые сидѣ-
недѣлю
другіе
ованное
пенной
ь-вожъ
читься!
что ли-
чуться
редла-
и дру-
зъ со-
зкомъ,
ва, Лес-
і дорогъ,
ми своихъ
пціона въ

Типографія Партии Соціалистовъ-Револуціо

EX LIBRIS
MICHAEL Z. VINOKOUROFF

ND 8526
P27ИЗЪ РЕВОЛЮЦІОННОЙ
ДВЯТЕЛІСНИ БРЕДИ РАБОЧИХЪ

ВЪ 1880—84 ГГ.

Конѣцъ '80-го года былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ для петербургскихъ рабочихъ. Наступила безработица, въ особенности на механическихъ заводахъ. Каждую недѣлю сотнями увольняли народъ, выбрасывали на улицу. Съ утра до вечера громадныя толпы народа стояли у воротъ заводовъ, на которыхъ еще не рассчитывали. Но такихъ заводовъ было мало. Едва показывался въ воротахъ мастеръ, механикъ или управляющій, какъ его осаждали со всѣхъ сторонъ: нѣтъ ли мѣста для токаря, не нуженъ ли слесарь, столяръ, кузнецъ, литейщикъ? На всѣ вопросы раздавался одинъ отвѣтъ: своихъ увольнять будемъ. На слѣдующій день появляется новая толпа, тѣ же вопросы и тотъ же отвѣтъ. А петербургская зима надвигается, грязь, слякоть, дожди уступаютъ мѣсто морозу. Рѣзкій, пронзительный вѣтеръ свиститъ во всѣхъ закоулкахъ, пробираетъ до костей обносившійся полуголодный людъ. Теплая, лучшая одежда или въ закладъ, или продана. У рабочаго человѣка денежныхъ сбереженій не было и тогда, хотя въ тѣ времена заработная плата была выше нынѣшней. Трудно жилось безработнымъ, плохо чувствовали себя и тѣ, которые сидѣли на мѣстахъ. Одни трепетали, что завтра, или черезъ недѣлю ихъ постигнетъ та же участь — очутиться на улицѣ, другіе сознавали ни на чемъ не основанное свое привилегированное положеніе и какъ бы стыдились его, при видѣ выброшенной на улицу толпы, но утѣшали себя надеждой, что вотъ-вотъ прекратится безработица. Не вѣчно же будетъ она длиться! Но проходили недѣли, мѣсяцы, заводы пустѣли. Надо что либо предпринимать! «Не собраться ли всѣмъ, да не двинуться ли къ Зимнему дворцу съ требованіемъ работы?» — предлагали одни. «Не работы требовать, а всего»... возражали другіе. Эта мысль нравилась многимъ и стала проникать въ среду безработныхъ, между которыми постоянно сновали шпионы, прислушиваясь къ разговорамъ. Трудно сказать, кончились бы эти разговоры, но въ противовѣсъ ило новое средство на одномъ изъ заводовъ—на Ба Сами рабочіе обратились къ управляющему съ предложеніемъ принять уволенныхъ рабочихъ съ тѣмъ, чтобы сок

M534122

всѣхъ рабочихъ день до 3 четвертей рабочаго дня. Сначала къ этому предложенію отнеслись равнодушно, но черезъ нѣсколь-ко дней рассчитанные были снова приняты. Затѣмъ и на дру-гихъ заводахъ рабочіе были приняты; казалось, что безрабо-тица идетъ къ концу.

Нѣкоторые революціонные кружки рабочихъ сожалѣли о пропущенномъ моментѣ, но уже было поздно.

Такіе кружки существовали почти на всѣхъ крупныхъ за-водахъ въ Петербургѣ, вели пропаганду, заводили связи на фаб-рикахъ, которыя въ то время мало были затронуты револю-ціоннымъ духомъ. Этотъ пробѣлъ замѣчался всѣми. Интели-гентные люди, занимавшіеся съ рабочими, указывали на это об-стоятельство и настаивали на необходимости привлечь фабрич-ныхъ рабочихъ. Не знаю какъ теперь, а въ то время въ отноше-ніяхъ заводскихъ рабочихъ къ фабричнымъ замѣчалось какое то высокомеріе. Его не было только у рабочихъ сознательныхъ, у людей уже понявшихъ, что ихъ нѣсколько привилегирован-ное положеніе — дѣло случайное, что они такіе же наемные труженики, какъ и тѣ. Но въ массѣ такое сознание приходи-лось развивать съ большими усиліями. Особенную энергію въ этомъ отношеніи проявили революціонныя группы Сѣмян-никовскаго, Чугуннаго и Обуховскаго заводовъ: они организо-вали нѣсколько кружковъ среди рабочихъ на фабрикѣ Паля, на химическомъ заводѣ, а черезъ нихъ уже заводили связи съ другими фабриками, какъ напримѣръ съ Калининской, на фабрикѣ резиновой мануфактуры, за Невской заставой. Пропаганда шла довольно успѣшно, но чувствовался недоста-токъ въ революціонной литературѣ. Пользовались только той, которая сохранилась на рукахъ отъ стараго времени, да лег-альными отчетами о процессахъ по политическимъ дѣламъ. Прокламація о казни Квятковскаго и Прѣснякова достигла къ рабочимъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и часто одинъ и тотъ же экземпляръ передавался съ заводовъ Васи-льевскаго острова за Невскую заставу. Исполнительный Коми-тетъ какъ будто затихъ. Но всѣ чувствовали, что готовится какая то гроза. На этотъ счетъ строили всевозможныя до-гадки, ждали чего то необыкновеннаго. Въ центрѣ Россіи, на югѣ тоже какъ будто наступила тишина. Ростовъ на Дону трисмирѣлъ послѣ 70 г., послѣ страшнаго погрома. Кіевъ, Харьковъ, Одесса ни въ чемъ себя не проявляли. Тамъ шла та же подготовительная работа, какъ въ Петербургѣ. На- 81 г., появилась переизданная брошюра «Хитрая ме-». Нѣкоторые помощники Народной Воли — интелли- чаше стали посѣщать рабочіе кружки, но все какъ то не договаривали, что то ожидалось и первыми, ими. Наконецъ грянуло 1-ое марта. Весь Петербургъ

обязать паникой. Полиція растерялась, мирный обыватель напуганъ, по улицамъ молчаливое движеніе. Петербуржцы уже не бѣгутъ такъ стремительно по улицѣ, а какъ то не смѣло, осторожно идутъ, ожидая чего то новаго, болѣе грознаго. Рабочія революціонныя группы тоже волнуются, ждуть призыва къ открытой массовой борьбѣ, призыва къ возстанію. Проходитъ день, другой. Полиція оживаетъ. Удобный моментъ упущенъ. Начались аресты, а призыва все нѣтъ. Появляется прокламація «Къ Александру III-му». Только послѣ нея стало яснымъ, что Исполнительный Комитетъ вовсе не имѣлъ въ виду народнаго возстанія. Многие рабочіе считали это промахомъ. Надо было бы во что бы то ни стало поднять рабочихъ хотя въ одномъ Питерѣ,—говорили онѣ,—пусть бы кончилось неудачей, но для будущаго оно послужило бы опытомъ, положило бы ясную границу между народомъ и правительствомъ. Да еще неизвѣстно, чѣмъ бы все кончилось. Другіе же наоборотъ, одобряли дѣйствія Исп. Ком. послѣ 1-го марта, указывая на неподготовленность массъ, на недостаточность силъ и слишкомъ большія жертвы, которыхъ потребовало бы возстаніе. Съ этими доводами нельзя было не согласиться. Дѣйствительно, тогдашніе заводы не представляли такихъ грандіозныхъ казармъ, какими мы видимъ ихъ теперь. На Балтійскомъ заводѣ работало тогда около 3 тыс., тогда какъ теперь тамъ болѣе 5 тыс. чел., на Обуховскомъ — 2 тыс., теперь же, какъ говорятъ, болѣе 6 тыс. Тоже было и на другихъ. Но противъ боязни жертвъ возражали. Рано или поздно онѣ потребуются. Да развѣ не несутъ ихъ каждый годъ, каждый мѣсяць? Развѣ не арестуютъ, не ссылаютъ, не казнятъ людей? Но какъ бы то ни было, время упущено, надо думать о томъ, что дѣлать дальше. Начались аресты на нѣкоторыхъ заводахъ. Въ старомъ арсеналѣ рабочіе избили мастера, на заводѣ Васильева тоже, на Балтійскомъ заводѣ рабочіе избили двухъ рабочихъ, замѣченныхъ въ сношеніяхъ съ «секретнымъ» отдѣленіемъ, которое давало имъ деньги. Появилась прокламація: «Судъ и пытка» и произвела сильное впечатлѣніе. Былъ казненъ Т. Михайловъ, котораго знали на многихъ заводахъ, А. Желябовъ, извѣстный среди рабочихъ подъ именемъ Тараса. Чувство негодованія крѣпло, требовало мести. Ожидали суда надъ Александромъ III и, чтобы не быть застигнутыми въ располхъ, рабочіе энергичнѣе повели пропаганду. Въ началѣ мая уже были организованы довольно многочисленныя группы — на Обуховскомъ, Чугунномъ, Сѣмянниковскомъ, Балтійскомъ заводахъ, у Нобеля, Фридланда, Голубева, Леснера, за Невской заставой, на варшавской желѣзной дорогѣ, у Берда и на другихъ. Во многихъ мѣстахъ завели своихъ дворниковъ, которые предупреждали рабочихъ о шпионажѣ

слѣжкѣ и даже арестахъ, передавали паспорта. Явилась потребность перенести пропаганду въ другіе города. Нелегальные интеллигенты, посѣщавшіе рабочихъ подъ разными кличками, поддерживали приподнятое настроеніе. Особенной популярностью пользовались «Сидорычъ», Андрей Петровичъ, «Сеня», Ивановскій, Василій Максимычъ и друг., теперь уже сошедшіе въ могилу. Нѣкоторые были черно-передѣльцы, потомъ примкнувшіе къ организаціи Н. В. Рабочіе наиболѣе развитые не обращали вниманія на ихъ теоретическія разногласія, одинаково принимали какъ тѣхъ, такъ и другихъ, лишь бы они занимались съ рабочими, доставляли революціонную литературу. Но по мѣрѣ того, какъ пропаганда стала расширяться, она захватывала и слабый элементъ, который сказывался при арестахъ. Арестовали нѣсколько кружковъ, и для Судейкина, Янковскаго сдѣлалось яснымъ, что петербургскіе рабочіе «заражены крамолой». Они пустили въ ходъ все: деньги, угрозы, провокацію. Убѣждали рабочихъ, что они тоже социалисты, но они не террористы, они только противъ кинжала, револьвера и бомбъ.

Конечно, для малоподготовленныхъ рабочихъ такія рѣчи были убѣдительно, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ чернопредѣльцевъ иногда имѣли неосторожность рѣзко выразиться противъ террора. Изъ предварилки, частей молодые рабочіе выпускались быстро, обласканные Судейкинымъ и Янковскимъ и даже снабженные деньгами. Люди же болѣе устойчивые держались въ тюрьмахъ, а если выпускались, то обставлялись такими невозможными условіями, что принуждены были или уѣзжать изъ Петербурга, или ходить безъ работы: ихъ нигдѣ не принимали, благодаря мирнымъ социалистамъ Судейкину и Янковскому.

Такими средствами они надѣялись сломить упорство непокорныхъ. Но достигли обратнаго: рабочіе озлоблялись, передавали свое раздраженіе товарищамъ, били малодушныхъ и легкомысленныхъ, поддавшихся жандармскимъ убѣжденіямъ. Многіе, взявшіе деньги отъ Судейкина и Янковскаго изъ трусости, тайкомъ отъ полиціи и товарищей уѣхали изъ Петербурга. Нравственный развратъ, посѣянный Судейкинымъ, не помогъ ему, хотя сильно связывалъ руки рабочимъ; зародилось какое то недовѣріе. Пропаганда опять приняла болѣе скрытый характеръ. Тогда деспотизмъ пустилъ въ ходъ провокацію. Съ юга явился рабочій Преймъ, которому въ Ростовѣ грозила уголовная кара: онъ укралъ мѣдные подшипники съ цѣлаго поѣзда и продалъ ихъ, а самъ скрылся. Не знаю, былъ ли онъ когда въ ростовскомъ кружкѣ чернопредѣльцевъ, но, пріѣхавъ въ Петербургъ, сошелся съ рабочимъ Суло (?), жившимъ на содержаніи у Судейкина. Тотъ позна-

комилъ его съ послѣднимъ и договоръ былъ заключенъ. Сусловъ же ввелъ его въ одинъ изъ рабочихъ кружковъ, рекомендовалъ какъ стараго пріятеля, ловкаго, энергичнаго. Преймъ дѣйствительно былъ ловокъ, что подтверждается продажей подшипниковъ и пронируемостью, съ которой онъ проникалъ всюду, но у него не хватало выдержки. Деньги, получаемыя отъ Судейкина, онъ транжирилъ и пропивалъ, что не могло не вызвать подозрѣній.

Онъ и самъ сталъ замѣчать недовѣріе. Иногда куда то пропадалъ, но выдавать еще не рѣшался: ему хотѣлось завести какъ можно болѣе широкое знакомство на всѣхъ заводахъ и однимъ ударомъ уничтожить все. Но вышло иное. Въ одномъ изъ трактировъ онъ провалилъ двухъ интеллигентовъ и тѣмъ выдалъ себя. Среди рабочихъ носился слухъ, что Судейкинъ представлялъ его Александру III, которому онъ будто-бы далъ слово вывести всю крамолу среди рабочихъ. Негодованіе противъ такого провокатора было ужасное. Онъ чувствовалъ это и нѣкоторое время никуда не показывался. Эту предательскую особу всегда охраняли два или три шпіона. Наконецъ онъ вновь явился: ему захотѣлось новыхъ знакомствъ, которыя уже были приготовлены во многихъ мѣстахъ съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ онъ никогда не возвратился. 29 іюня, во время гулянья на Смоленскомъ кладбищѣ, уже валялся его предательскій трупъ, обнаруженный только на другой день. При немъ была найдена записка съ перечисленіемъ фамилій тѣхъ рабочихъ, которыхъ онъ собирался продать. По этому списку произвели аресты и совершенно разгромили нѣкоторые кружки. Сусловъ исчезъ, боясь участи Прейма. Судейкинъ снова возвратился къ прежнему средству—развращать рабочихъ деньгами. Онъ арестовывалъ «зеленыхъ», награждалъ ихъ деньгами, увѣрялъ, что онъ все же социалистъ, но что онъ жестоко будетъ преслѣдовать терроръ, что терроръ только вредитъ рабочему дѣлу, и быстро выпускалъ ихъ на волю. Эта тактика была ужъ не нова,—какъ она напоминаетъ зубатовщину!—передовые кружки не боялись ея, но она тормозила дѣло; миролюбивый элементъ сводилъ свою работу на культуртрегерство, побывавшіе въ рукахъ Судейкина внушали недовѣріе. Стали поговаривать о томъ, какъ бы самого Судейкина отправить къ Прейму. Наконецъ въ іюлѣ 81 г. было выпущено изъ предварилки нѣсколько дѣятельныхъ рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, Р., взялъ на себя эту роль. Планъ былъ таковой, что онъ обѣщаніями будетъ поддерживать сношенія съ Судейкинымъ и Янковскимъ и добьется у нихъ свиданія не въ секретномъ отдѣленіи. Игра была слишкомъ рискованная для такого молодого юноши, какъ Р. Ему было всего 19 л., но умный, энергичный и рѣшительный, пользовавшійся въ то

время известностью, онъ настаивалъ на своемъ планѣ, о которомъ знало всего нѣсколько лицъ. Насколько тактика Судейкина всѣхъ волновала, видно изъ того, что такую же цѣлью, какъ и Р., задался еще другой кружокъ. Пропаганда могла идти гораздо успешнѣе, еслибы не мѣшали Судейкинъ и Янковскій, вносившіе развратъ въ рабочую среду. Нелегальной литературы для рабочихъ прибавилось.

Чернопередѣльцы въ нѣсколько мѣсяцевъ выпустили нѣсколько номеровъ «Зерна». Появились новые интеллигенты; посѣщенія ихъ сдѣлались чаще. Чаще устраивались рабочія сходки на которыхъ они выясняли рабочимъ ихъ положеніе, призывали къ дружной, непрестанной борьбѣ. Рѣчи Теллалова особенно нравились рабочимъ; онъ говорилъ всегда горячо, просто и коротко. Каждое слово его жгло рабочихъ, будило энергію. Въ это время были и другіе, но общимъ любимцемъ оставался Теллаловъ. Не даромъ чернопередѣльцы обвиняли его въ томъ, что онъ привлекъ въ ряды Народной Воли самыхъ видныхъ членовъ ихъ партіи.

Многіе рабочіе понимали, что уже въ то время обѣ организаціи работали совмѣстно. Народовольцы часто передавали рабочіе кружки чернопередѣльцамъ, приносили чернопередѣльческую нелегальную литературу. Съ ней уже не обращались такъ бережливо и скупно, передавая изъ руки и боясь потерять. На нѣкоторыхъ заводахъ ее расклеивали или разбрасывали по инструментальнымъ ящикамъ въ мастерскихъ. Неумоимый Судейкинъ и это обстоятельство не оставилъ безъ вниманія. Онъ насовалъ своихъ шпионовъ почти во всѣхъ заводахъ. Одинъ изъ нихъ, обнаружившій особенную энергію и ловкость, исчезъ навсегда и для своего начальника, и для рабочихъ; надъ головой другого пролетѣлъ громадный камень и заставилъ прятаться отъ рабочихъ. Хитрый жандармъ по видимому и самъ не особенно надѣялся на своихъ уличныхъ слугъ, его главные сподвижники были предатели и провокаторы. Р. игралъ съ нимъ въ темную и раздражалъ. Изъ трусости, или по какимъ другимъ причинамъ, Судейкинъ передалъ дѣло съ Р. Янковскому. Тотъ повелъ дѣло круто, прямо далъ понять Р., что тотъ строить ловушку. Нервы Р. не вынесли. Онъ собрался уѣхать, но вмѣсто того отправился къ Янковскому и бросился на него съ ножомъ. Янковскій отскочилъ за столъ. Ворвались его слуги. Р. выбросился изъ окна со второго этажа и сломалъ себѣ позвоночный столбъ.

Жандармы воспользовались безсознательнымъ состояніемъ Р., который будто бы указалъ на скрытый трупъ шпиона въ ретирадѣ дома, гдѣ квартировалъ его товарищъ. Бросились туда, перерыли весь ретирадъ, дворъ, но ничего преступнаго не нашли и всетаки привлекли этого товарища, благополучно

ускользнувшаго изъ ихъ рукъ. Другая группа тоже жестоко поплатилась. Трое рабочихъ были арестованы и обвинялись въ замыслѣ на жизнь Судейкина и Янковскаго. Доказательствъ формальныхъ не было, но ихъ содержали такъ строго, что одинъ изъ нихъ, И. Самострѣловъ, сошелъ съ ума черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Многимъ рабочимъ пришлось выѣхать изъ Петербурга, частью для заведенія связей съ другими городами, частью—чтобы не попасть въ руки жандармовъ. Въ Москву перебрался нѣкто Степанъ Бѣловъ, рабочій изъ стараго арсенала, оказавшійся потомъ предателемъ и провокаторомъ.

Въ Москвѣ онъ очень ловко выдалъ чернопердѣльца Яковенко и др., затѣмъ провалилъ П. Буланова съ товарищами.

Въ то время, когда Петербургъ кипѣлъ революціонной жизнью, Москва какъ то дремала. Нѣсколько мѣсяцевъ здѣсь работалъ С. Халтуринъ. Онъ завелъ знакомство съ рабочими на Комиссаровскомъ заводѣ и въ мастерскихъ курской ж. д. По пріѣздѣ Желвакова въ Москву, онъ вмѣстѣ съ нимъ отправился на югъ, но просилъ революціонеровъ обратить вниманіе на Москву. Къ концу февраля здѣсь уже были организованы рабочіе кружки: на заводѣ Беккера, на прохоровской мануфактурѣ, въ мастерскихъ московско-смоленской ж. д., на заводѣ Добраго, Бромлея, заведены связи во многихъ другихъ мастерскихъ, на заводѣ Лигардта и на фабрикѣ роялей. Рабочіе завода Бромлея не ограничивались одной пропагандой, они наказывали своихъ мастеровъ, колотили ихъ за грубое обращеніе.

Интересно отмѣтить, насколько московскіе рабочіе стояли въ сторонѣ почти съ 78 г. Одинъ изъ пріѣзжихъ рабочихъ революціонеровъ наткнулся на цѣлую группу рабочихъ на смоленской ж. д., сохранившуюся еще со времени процесса 50-ти. Они говорили, что съ того времени не имѣли никакихъ революціонныхъ связей, не читали ни одного революціоннаго изданія и знали о существованіи организацій только по легальнымъ газетамъ и тѣмъ фактамъ, которыми заявлялъ о себѣ Исп. Ком. Когда ихъ спрашивали, дѣлали ли они что либо за это время, отвѣчали — ничего, потому что чувствовали себя оторванными. На другихъ заводахъ встрѣчались тоже такіа отдѣльныя лица, которые охотно присоединились къ рабочимъ кружкамъ. Интересно, что въ Москвѣ существовала сапожная мастерская, переведенная съ юга чернопредѣльцами. Организована она была по старому шаблону; тогда шли въ ней только трое: двое уже сознательныхъ, а третій новичекъ. Изъ него они должны были воспитать революціонера. Днемъ всѣ работали вмѣстѣ сапоги, а по вечерамъ читали, бесѣдовали. Такой способъ пропаганды оказался нику-

да не годнымъ, не стоилъ труда. Сидѣть двоимъ надъ однимъ было уже слишкомъ бесплодно. Кромѣ того вести пропаганду среди ремесленниковъ того времени было дѣло чрезвычайнаго трудное, дававшее къ тому ничтожные результаты. Не говоря уже объ умственномъ и нравственномъ уровнѣ ремесленниковъ, но главное у нихъ на замѣчалось и настроенія, котораго и быть не могло благодаря тому, что они живутъ и работаютъ въ маленькихъ мастерскихъ съ пятью шестью рабочими, всегда на глазахъ у хозяина. Ихъ рабочій день отъ 14 до 15 часовъ. Какой же тутъ можетъ быть интересъ къ революціи. Правда, встрѣчались отдѣльныя личности, но черезъ чуръ рѣдко. Сапожная мастерская быстро разстроилась, просуществовавъ мѣсяца 2 и завербовавъ только одного человѣка.

Въ началѣ февраля 82 г. въ Москвѣ начались провалы среди нелегальныхъ интеллигентовъ. Между нѣкоторыми рабочими и уцѣлѣвшими интеллигентами возникло недоразумѣніе. Первые упрекали послѣднихъ въ томъ, что тѣ мало удѣляли времени на занятія съ рабочими. Рѣшили жаловаться петербургской организаціи, но дѣло скоро уладилось: рабочіе узнали причину невниманія — это аресты. Какъ разъ выхватили тѣхъ, которые брали на себя роль руководителей рабочихъ. Успѣвшіе скрыться переселились въ другіе города, въ виду того, что рабочій Степанъ Бѣловъ былъ заподозрѣнъ въ предательствѣ. Переселившись въ Москву, онъ жилъ здѣсь нелегально, на заводъ работать никуда не поступилъ, ссылаясь на то, что сейчасъ же провалится, такъ какъ Романовъ его знаетъ и навѣрно укажетъ. Чтобы прикрыть свое предательство, онъ все сваливалъ на Р., который въ то время содержался въ СІВ. Литовскомъ замкѣ, въ больницѣ, куда къ нему ходилъ непричастный ни къ какому дѣлу землякъ. Если бы Р. выдавалъ, то въ Москвѣ были-бы арестованы другія лица, но арестовывали не ихъ. Кромѣ того, Бѣловъ велъ безобразную жизнь: пьянствовалъ, особенно въ концѣ января, завелъ «темныя» знакомства и тратилъ массу денегъ. Разъ на столѣ его комнаты была найдена записка со счетомъ на 450 рублей. Для рабочихъ, близко знающихъ Бѣлова, было ясно, что, сидя въ предварилкѣ, онъ сошелся съ Судейкинымъ и Янковскимъ и поступилъ къ нимъ на содержаніе. Эти рабочіе были страшно раздражены, обратились къ нелегальнымъ. Но тѣ сочли приведенныя доказательства недостаточными и предложили удалить Бѣлова отъ кружка. Тотъ догадался. Немедленно рѣшилъ переѣхать въ Питеръ; за нимъ отправились двое рабочихъ, но тамъ къ нимъ отнеслись такъ же, какъ и въ Москвѣ: Бѣлова не признали предателемъ, хотя нашли нужнымъ совершенно изолировать. Спустя нѣсколько

мѣсяцевъ предположеніе подтвердилось: одинъ изъ подвыпившихъ жандармскихъ офицеровъ похвастался на вечерѣ, сказавъ, что хотя и убили С. Прейма, но у нихъ есть другой — Степанъ Бѣловъ. Послѣдній, потерявъ всѣ связи въ Питерѣ, куда то исчезъ; говорить его встрѣчали на югѣ, но уже не у дѣлъ.

Жизнь юга въ 82-83 г. нѣсколько отличалась отъ жизни сѣвера. Въ Харьковѣ существовало два теченія: чернопередедѣльческое и народовольческое. Это разграниченіе сказывалось и на рубочихъ. Народовольцы имѣли свой кружокъ на желѣзной дорогѣ и въ Полтавѣ. Чернопередедѣльцы на мелкихъ заводахъ. Крупныхъ заводовъ въ Харьковѣ не было. Здѣсь отношенія чернопередедѣльцевъ къ народовольцамъ не были такъ миролюбивы, какъ въ СПБ. Это сказывалось и на рабочихъ. Одному изъ членовъ рабочей организаціи пришлось натолкнуться на такой случай. Однажды въ обѣденное время онъ велъ разговоръ съ новыми рабочими на тему о программахъ. Подходить пожилой строгальщикъ, прислушивается и вдругъ прерываетъ. «А развѣ вы не знаете, что народовольцы силою заставляютъ своихъ членовъ идти на террористическія предпріятія!...» «Какой жандармъ или глупецъ сказалъ вамъ это — прерываетъ его другой — развѣ, на примѣръ, тебя можно силою послать на такое дѣло?» «Мнѣ такъ говорили люди знающіе» — возражаетъ строгальщикъ. «Да, дѣйствительно свѣдущіе, но мало знающіе, — нападаютъ на него многіе, — жандармы тоже говорятъ всѣмъ.» «Отъ нихъ — я самъ слышалъ», прибавляетъ одинъ. — Но строгальщикъ слышалъ, не отъ жандармовъ, а отъ одного изъ интеллигентныхъ руководителей. Послѣдніе тщательно изолировали свои рабочіе кружки отъ народовольческихъ. Часто случалось такъ, что на одномъ заводѣ, на примѣръ у Пильстрема, существовали и тѣ, и другіе, не входя ни въ какія сношенія. И когда приходилось поднимать общее дѣло, возникала рознь и даже вражда. Борьба переносилась на борьбу между собой, а не съ заводскими порядками. Не то же ли самое происходитъ и теперь. Очень жаль, что опытъ не научилъ товарищей! Въ доброе старое время, когда работа имѣла видъ подготовительной работы, подобнаго рода рознь не вредила такъ, какъ теперь, когда борьба идетъ въ открытую и массами.

Въ 81 и 82 г. харьковскіе рабочіе вели только пропаганду, организовали рабочіе кружки. Наибольшею энергіею отличался у Н. В. Яковъ Сабко, арестованный въ 83 г. и умершій въ харьковской тюрьмѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и еще нѣсколько лицъ. У чернопередедѣльцевъ — Федоръ Шкрѣба, потомъ поступившій на службу Судейкина и убитый Антоновымъ въ 84 году за предательство. На харьковской

рабочей группѣ лежала обязанность перевозки нелегальной литературы въ южные районы. Доставка была организована очень искусно, кажется Ан-мъ, и просуществовала весьма долго, съ начала 82 по 84 г.

Къ Харьковскому району примыкали Ростовъ на Дону, Таганрогъ и Полтава. Послѣ разгрома въ 79 году, когда ростовцы разгромили нѣсколько участковъ и разогнали городскую полицію, совершенно овладѣвъ городомъ, они теперь какъ будто отдыхали. Буйный городъ затихъ, но не потому, что аресты выхватили передовой элементъ, а просто вслѣдствіе того, что другіе города не откликнулись. Въ 80, 81 и 82 гг. настроеніе здѣсь было таково, что достаточно было гдѣ нибудь произвести бурю, ростовцы немедленно бы поднялись. Замѣчательно, что здѣсь и босякъ настроенъ былъ революціонно и былъ проникнутъ такой ненавистью къ полиціи, что достаточно было малѣйшаго повода, чтобъ снова поднять его. Ростовскіе революціонеры не оставляли его безъ вниманія: у нихъ имѣлось нѣсколько человекъ матросовъ и кочегаровъ, которые вели пропаганду только среди береговыхъ рабочихъ, но никакой организаціи создать не удалось. Вся дѣятельность сводилась только къ пропагандѣ. Босякъ неусидчивъ не привязывается къ одному и тому же мѣсту, онъ переселяется очень быстро. Но благодаря своей подвижности, онъ занесъ революціонный духъ и въ Грушевскія каменноугольныя копи. Наиболѣе постоянная часть, живущая въ Ростовѣ, не была затронута отчасти потому, что невыносимыя условія жизни свели ее на самую низкую ступень человѣчества. Она только знала работать и пить, отчасти это были мѣщане, небогатые домовладѣльцы, извозчики и крестьяне,—тоже довольно консервативный элементъ, мечтающій о торговлѣ.

Совсѣмъ другое представляли заводскіе рабочіе. Это была однородная рабочая масса, образовавшаяся по большей части изъ пришлыхъ мастеровыхъ со всѣхъ концовъ Россіи. Между ними издавна велась пропаганда и пропаганда смѣшанная. Среди нея работали и чернопередѣльцы, и народовольцы, и мѣстная учащаяся молодежь, и члены организаціи изъ другихъ городовъ. Въ 82 г. весною здѣсь царили патриархальные порядки, не смотря на провалъ 81 г., когда было арестовано нѣсколько человекъ. Каждый зналъ всѣхъ и всѣ знали каждого. По праздникамъ сходились цѣлыми толпами въ одну квартиру какъ интеллигенція, такъ и рабочіе. Несостоятельность такого порядка тотчасъ-же сказалась, какъ только провалились двое студентовъ, когда-то жившихъ здѣсь. Одинъ—Литвиновъ—разказалъ все о Ростовѣ. Произвели обыски, но только благодаря тому, что ни у кого ничего не нашли, дѣло кончилось благополучно, отдѣлались надзоромъ

до поры до времени. Послѣ этого произошла группировка. Организовался центральный кружокъ, завелъ постоянную связь съ X. центральной группой Нар. Воли. Многимъ это не понравилось, но потомъ всѣ примирились, видя, что при такихъ условіяхъ рабочіе проявляютъ больше инициативы и энергии. Возникла мысль устроить типографію, кассу. Главнымъ очагомъ были мастерскія владикавказской ж. д., отсюда уже заводились кружки на заводѣ Пастухова, Граммана и др. Центральный кружокъ поставилъ себя такъ, что рабочіе по всѣмъ вопросамъ обращались то къ тому, то къ другому изъ ея членовъ, не подозрѣвая существованія связи между ними. Когда осенью одному изъ учениковъ на ж. д. сбавили плату, рабочіе предоставили рѣшеніе вопроса членамъ этой группы, которая увлекла за собою всѣхъ, и ученикъ былъ удовлетворенъ. Позже рабочіе разгромили мастерскія и наказали почти всѣхъ мастеровъ. Въ концѣ 83 г. этотъ кружокъ издавалъ гектографированную газету, статьи которой были писаны исключительно рабочими. Ростовская группа выдѣлила изъ себя рядъ дѣятельныхъ личностей и разослала ихъ въ другіе города. Наиболѣе выдающіеся изъ нихъ: А. Карпенко арестованъ въ 85 г. въ Севастополѣ, сосланъ на Сахалинъ на 10 лѣтъ, гдѣ и умеръ; Ник. Мартыновъ (арестованъ въ Кіевѣ, оказалъ вооруженное сопротивленіе, просидѣлъ въ Шлиссельбургской крѣпости 12 лѣтъ и застрѣлился въ гор. Якутскѣ въ 1903 г. въ маѣ); затѣмъ рядъ другихъ, фамиліи которыхъ упоминать неудобно. Въ 85 г. въ Ростовѣ были произведены большіе аресты, многіе были высланы въ Сибирь и на сѣверъ Россіи. Изъ интеллигентныхъ людей въ 80 и 81 гг. здѣсь работали Сергѣй Пешекеровъ, К., Рафаэли и другіе. Въ 82 г. при основаніи революціонной группы Народной Воли — Л., пинѣ здравствующій; Немоловскій, умершій въ Шлиссельбургской крѣпости въ 86 г.; Кашинцевъ, эмигрировавшій за границу, Желваковъ и др. Дѣятельность Ростовской группы распространялась на Ново-Черкасскъ, Таганрогъ, Елисаветградъ и Екатеринославъ. Въ 82 и 83 г. во всѣхъ этихъ пунктахъ уже имѣлись кружки. Особенно успѣшно велъ дѣло А. Карпенко. Въ короткое время онъ организовалъ отборный кружокъ, который велъ широкую пропаганду на заводахъ. Въ Елисаветградѣ одному изъ членовъ кружка П. пришлось работать совершенно на неподготовленной, нетронутой почвѣ. Тѣмъ не менѣе втеченіе двухъ мѣсяцевъ здѣсь уже имѣлось два рабочихъ кружка, учащая молодежь принялась за гектографированіе нелегальной литературы. Отгектографирована была программа рабочей партіи Н. В. Тотъ же членъ рабочей ростовской группы былъ вызванъ въ Севастополь, который было необходимо связать съ

Харьковскимъ райономъ. Здѣсь также удалось организовать рабочую группу, члены которой впослѣдствіи занимались перевозкой изъ-за границы революціонной литературы.

Сравнивая условія жизни западной части юга: Одессу, Николаевъ, Полтаву и Кіевъ того времени, нельзя было не замѣтить громадной разницы. Полиція этого района была поставлена лучше, а на помощь ей часто являлось предательство. Въ 81 и 82 г. рабочій Меркуловъ провалилъ въ Одессѣ все, что зналъ. Затѣмъ военный прокуроръ Стрѣльниковъ дѣлалъ безпрестанные набѣги, производилъ массовые аресты, запугивалъ молодыхъ рабочихъ, и велъ себя на допросахъ грубо и дерзко. Благодаря такой системѣ, онъ часто разрушалъ мѣстныя организаціи. Его дерзость дошла въ Кіевѣ до того, что, раздраженный на допросѣ однимъ рабочимъ, отказавшимся давать какія либо показанія, схватилъ его за горло со словами: «задушу, заставлю говорить!» Когда узнали объ этомъ рабочіе на волѣ—негодованію не было конца. Но Исп. Ком. уже рѣшилъ покончить съ этимъ палачемъ. Въ 82 г. Стрѣльниковъ былъ убитъ въ Одессѣ Желваковымъ, который навѣрно скрылся бы, такъ какъ въ качествѣ извозчика его ждалъ Халтуринъ. Поднялась тревога. Переодѣтые жандармы, охранявшіе Стрѣльникова, подняли крикъ: «Ловите, ловите жулика!» Хотя Желваковъ и прокричалъ, что онъ не жуликъ, а социалистъ, крючники бросились на него. Соскочивъ съ козелъ, Халтуринъ поспѣшилъ на помощь товарищу, но тоже былъ сбитъ съ ногъ. Правительство было такъ озлоблено, что казнило обоихъ, не открывъ даже ихъ фамилій. По этому поводу была издана прокламація къ рабочимъ. Одесса ожила. Среди рабочихъ организовались новые кружки, распространившіе свою дѣятельность на солдатъ и матросовъ. Въ Николаевѣ и Полтавѣ велъ рабочее дѣло Петръ Антоновъ (содержащійся въ настоящее время въ Шлиссельб. крѣпости), уцѣлѣвшій отъ всѣхъ погромовъ только благодаря тому, что жилъ нелегально. Свой боевой темпераментъ онъ передалъ и группамъ, организованнымъ имъ. Когда въ Полтавѣ оказался предатель, одна изъ группъ проучила Иуду, отстрѣливъ ему ухо. Таково было положеніе рабочаго дѣла въ 82 г. на сѣверѣ и югѣ Россіи. Въ С.Петербургѣ же съ 80 г. положеніе рабочаго дѣла было таково: число группъ на Балтійскомъ заводѣ въ 80 г.: въ механической мастерской—одна, состоявшая изъ 6 человекъ сознательныхъ рабочихъ. Кромѣ нихъ въ этой мастерской работало еще нѣсколько человекъ, съ которыми занимались члены группы: объясняли причины бѣдствій рабочаго люда, давали имъ читать книжки легальныя и не легальныя. Изъ первыхъ наибольшимъ распространеніемъ пользовались: «93

годъ» В. Гюго; «Исторія крестьянина» Эркм. Шатриана; «Эмма» Швейцера; «Одинъ въ полѣ не воинъ» Шпильгагена и др.; Наумовъ «Сила соломѣ ломить»; Успенскій Гл., Щедринъ (Салтыковъ): «Два генерала», «Городъ Глуповъ», «Ташкентцы» и др.; Тургеневъ: «Отцы и дѣти», «Наканунъ», «Рудинъ»; Гончаровъ: «Обрывъ», «Обломовъ»; Достоевскій: «Преступленіе и наказаніе»; Михайловскій: «Герои и толпа»; Д. Писаревъ—статьи; Гаршинъ, Шелгуновъ, Лавровъ П., письма Миртова; по исторіи — Костомаровъ, Исаевъ—политическая экономія; Флеровскій, Чернышевскій, А. Смитъ. Изъ нелегальныхъ наибольшую популярность пользовались: «Хитрая механика», «Сказка о Копейкѣ», «Царь-Голодъ», нѣкоторые номера Н. В., прокламаціи и стихотвореніе на смерть Мезенцева. Въ кузницѣ, въ литейной, въ корабельной мастерской было только по нѣсколько человекъ сознательныхъ рабочихъ, которые поддерживали связь съ механической мастерской, игравшей роль центра. У одного токаря имѣлась небольшая бібліотека легальныхъ книгъ и нелегальныхъ изданій. Способъ пропаганды практиковался весьма различный. Одни пользовались какимъ либо случаемъ — прижимкою мастеровъ и событіями на другихъ заводахъ: сбавкою, увольненіемъ рабочихъ, и выясняли имъ всю несправедливость экономическихъ условій, указывая, что можно бы было устроить жизнь иначе, если бы рабочіе сознали, что всѣ заводы, фабрики, всѣ богатства созданы руками рабочихъ и, слѣдовательно, должны принадлежать имъ, а земля—крестьянамъ. Каждый рабочій, понявшій это, долженъ растолковывать и другимъ, гдѣ бы онъ ни былъ — въ городѣ или деревнѣ, но прежде всего въ городѣ; здѣсь удобнѣе—и народъ развитѣе, книгъ, газетъ болѣе. Въ крестьянствѣ же доступнѣе работать фабричнымъ рабочимъ: на Пасху, на Рождество и лѣтомъ многіе изъ нихъ ѣздятъ въ деревню къ роднымъ и тамъ имѣютъ возможность вести пропаганду о переходѣ земли въ руки крестьянъ, о сокращеніи налоговъ, объ устройствѣ школъ и замѣнѣ войскъ народнымъ ополченіемъ. Съ этого начиналась наиболѣе удачная пропаганда. Часто встрѣчались рабочіе, которые говорили, что за такія «штуки» угодишь въ каменный мѣшокъ. Тогда пропаганда принимала политическій характеръ: приходилось объяснять, что царь и все правительство за одно съ заводчиками, фабрикантами, попами и помѣщиками. Стоитъ только забунтовать рабочимъ противъ хозяевъ или помѣщиковъ, какъ сейчасъ же имъ на помощь полиція, жандармы, казаки и солдаты. Тогда какъ, если рабочихъ притѣсняютъ, то за нихъ не вступается никто; наоборотъ, за всякую жалобу сажаютъ въ тюрьму и ссылаютъ въ Сибирь. Значитъ, царь со всѣми своими чинов-

никами тоже врагъ рабочихъ. Рабочіе должны свергнуть ихъ и завести другой порядокъ, при которомъ правители выбирались бы и устранялись народомъ. Но были и другіе приемы, менѣе удачныя. Начивались они отрицаніемъ бога, критикой духовенства или нападками на царя. Бывали примѣры, что такая пропаганда кончалась дракой: пропагандиста колотили благочестивые и вѣрные царю рабочіе. Такой способъ порицался почти всѣми. Иногда пропаганда велась въ портерныхъ или трактирахъ. Петербургскіе рабочіе любятъ посѣщать эти заведенія не потому, что тамъ можно выпить, нѣтъ: тамъ можно почитать газеты, журналы и поговорить. Заплати за кружку пива 5 коп. и сиди хоть цѣлый день, читай газеты. Въ портерныхъ же часто происходили свиданія съ интеллигентами. При пропагандѣ среди отдѣльныхъ лицъ особенное вниманіе обращалось на нравственность рабочаго: требовалось, чтобы онъ былъ честный, некорыстолюбивый и трезвый хорошій работникъ, только такой можетъ пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ среди рабочихъ. Только такого будутъ слушать. О пьяницахъ иногда говорили: «экъ болтаетъ спьяну, за стаканъ водки все продастъ». Бывали, впрочемъ, примѣры, когда, познакомившись съ революціоннымъ дѣломъ, пьяницы бросали совершенно пить. Рабочихъ кассъ въ то время въ Петербургѣ не существовало, вмѣсто нихъ производились сборы временные для арестованныхъ и для ихъ семействъ; вмѣсто того, чтобы покупать книги, записывались въ публичныя библіотеки, что дѣлалось частью потому, что при обыскахъ жандармерія отбирала самыя невинныя книги: Некрасова, Иванюкова, Писарева, Наумова и т. п. Въ 81 г. на Балтійскомъ заводѣ въ механической мастерской существовало уже двѣ группы, изъ которыхъ одна командировала — предложила одному изъ членовъ переселиться за Невскую заставу на зав. Сѣмянникова возстановить потеряныя связи, что и было сдѣлано до 1-го марта. Въ литейной мастерской составила группа въ 5 чел. изъ боевыхъ людей, при чемъ двое занялись проучиваніемъ малодушныхъ, бравшихъ деньги изъ секретнаго отдѣленія; особенно отличался Николай. Онъ колотилъ трусовъ, гдѣ только они попадались, не взирая ни на что и многихъ вынудилъ оставить П-бургъ. Одна группа провалилась лѣтомъ въ 81 г., но была замѣнена новой. Послѣ убійства Прейма выхватили еще троихъ изъ второй, на ихъ мѣсто заступили старики, пожилые рабочіе, до того времени игравшіе роль сочувствующихъ.

На заводѣ Круга кружокъ человекъ изъ 4-5. Во главѣ его стоялъ А. Тропицынъ, модельщикъ, умный, энергичный, но страшно нервный человекъ, который, когда его арестовали лѣтомъ 81 г., черезъ два мѣсяца сошелъ съ ума. Онъ поддер-

живалъ связь съ Обуховскимъ заводомъ черезъ А. Григорьеву, съ Балтійскимъ, затѣмъ на заводѣ Сѣмянникова, гдѣ центральная группа состояла изъ 7 человекъ и другая группа независимыхъ, т. е. самостоятельно работавшихъ, изъ 4 лицъ. Впослѣдствіи эти послѣдніе присоединились къ первымъ. Наиболѣе выдавались изъ этой группы Александръ Ивановичъ и Митяка; первый арестованъ въ Ригѣ 82 г., куда уѣхалъ для организаціи рабочихъ. Эта группа завела сношенія на фабрику Паля, а черезъ послѣднюю и на Калининской фабрику. Въ 81 г. лѣтомъ первая имѣла только 4 человекъ, которыхъ допускали на сходки. Къ старикамъ же—ихъ было человекъ 5-6—относились съ нѣкоторымъ недобѣріемъ, за то, что они мало проявляли активнаго участія. На Калининской фабрике отличался Петръ Леваковъ, ткачъ, который часто работалъ совершенно самостоятельно. Его ближайшимъ сподвижникомъ былъ Иванъ, слесарь, прославившійся за Невской заставой тѣмъ, что утаскивалъ изъ другихъ группъ безъ спросу нелегальную литературу для своей фабрики. Старый арсеналъ издавна служилъ разсадникомъ. Въ 80 и въ началѣ 81 г. въ немъ имѣлась группа, человекъ съ 8-ми. Виднѣйшими ея представителями были: Лебедевъ, Деминовъ, Бѣловъ (ставшій потомъ предателемъ) и К., нынѣ, кажется, здравствующій и др. Вскорѣ послѣ 1-го марта первые двое были арестованы за избіеніе мастера, оказавшаго услуги полиціи. Деминовъ успѣлъ убраться изъ СПб. К.—ъ перешелъ на заводъ Васильева и здѣсь избилъ мастера за грубое обращеніе съ рабочими и за намѣреніе — понизить рабочую плату. Эгого К. принужденъ былъ тоже скрыться. Лѣтомъ арсенальская группа снова пополнилась молодыми. Связь съ другими рабочими организаціями она поддерживала чрезъ заводъ Сѣмянникова. Петербургская сторона имѣла немногочисленную группу, которой долгое время руководилъ Кононовкинъ (студ. петерб. унив.). Членами этой группы были: Карповъ, Хохловъ, Кузюмкинъ, Эвсѣевъ и друг. Первый и еще двое были арестованы съ Кононовкинымъ въ 81 г. а трое послѣднихъ судились по дѣлу объ убійствѣ шп. Прейма. Эта группа вела пропаганду среди рабочихъ на заводѣ Голубева, Нобеля и Фридланда. Но до лѣта 81 г. самостоятельныхъ рабочихъ группъ здѣсь не было. Лишь только съ лѣта того же года у Голубева организовался кружокъ въ 5 чел., который какъ бы занялъ мѣсто предыдущей группы и чрезъ старый арсеналъ былъ связанъ съ новымъ, что на Выборгской сторонѣ. Чго касается Нарвской части, то составъ и численность группъ здѣсь часто мѣнялись, и о болѣе или менѣе точномъ числѣ ихъ трудно сказать, такъ какъ члены ихъ мѣняли мѣста. Таково было, конечно приблизительно, положеніе сознательныхъ рабочихъ

группъ въ 80-81 г. вплоть до предательства и убѣства Прейма. Но на самомъ дѣлѣ оно могло быть и нѣсколько иное: по конспиративнымъ причинамъ не полагалось одному человѣку имѣть полнѣйшее знакомство со всѣми рабочими. Если иногда и нарушалось это правило, то благодаря проваламъ и личнымъ знакомствамъ. Какъ то само собою складывалось, что старались не заводить лишнихъ знакомствъ съ группами, не запоминать фамилій и лишь для возстановленія связей послѣ арестовъ, приходилось одному и тому же рабочему бѣгать по заводамъ, поджидать у воротъ знакомыхъ рабочихъ, чтобы передать ихъ тому или другому интеллигенту. Рабочимъ кружкамъ объяснялось, какъ надо себя держать на допросахъ. Для этого ихъ знакомили, съ жандармскими приемами, учили перестукиваться. Что касается лицъ, стоявшихъ внѣ кружковъ, то даже и о приблизительномъ ихъ числѣ трудно сказать. Дѣло обстояло обыкновенно такъ: каждый членъ группы заводилъ знакомство съ однимъ или нѣсколькими рабочими черезъ нихъ знакомился съ ихъ пріятелями, а при удобномъ случаѣ пропагандировалъ среди цѣлой кучки людей, что случалось сравнительно рѣдко. Надо сознаться, что недостатокъ революціонной литературы тормазилъ дѣло; роскошествовать ею, какъ теперь, не приходилось. Имѣвшуюся литературу берегли. Если кому давали, то непременно съ условіемъ возвратить. Часто упрекають Н. В. въ томъ, что она вырывала наиболѣе энергичныхъ рабочихъ и привлекала ихъ къ террору. Это совсѣмъ невѣрно. Дѣло обстояло очень просто. Рабочіе террористы выработались самими условіями. Начиналось обыкновенно съ того, что рабочій побьетъ мастера часто по собственной инициативѣ или подниметь какую либо исторію. Начинаются преслѣдованія. Менѣе твердая, менѣе постоянная натура, способная только въ отдѣльные моменты активно проявляться, останавливается. Наиболѣе же устойчивая идетъ далѣе. Чѣмъ больше препятствій, тѣмъ сильнѣе у нея потребность сломить эти припятствія. А въ нихъ недостатка не было: на заводахъ притѣсненія, въ тюрьмѣ произволь. И вотъ отъ фабричнаго, заводскаго террора, переходятъ къ политическому. Какъ это ни странно, но бывали примѣры, когда на словахъ и въ спорахъ человѣкъ громить всякій террористическій поступокъ, а на дѣлѣ оказывается террористомъ не только самъ, но увлекаетъ къ тому же и толпу. Такъ было съ Халтуринымъ въ С.-П.-Б., когда онъ попалъ на Патронномъ заводѣ. Во время работы взорвало одну гранатку, осколки отъ нея попали въ грудь другихъ гранатъ. Нѣсколько токарей было убито и ранено. Рабочіе понесли ихъ въ Тучковскую-Маріинскую больницу. Настроеніе было возбужденное. Халтуринъ поддался ему, онъ произнесъ горячую

рѣчь и когда раненыхъ внесли въ больницу, тутъ чуть не произошла свалка, которую поднялъ С. Халтуринъ. Дежурный докторъ приказалъ прислугѣ снять простыни съ коекъ, чтобы рабочія засаленныя блузы не запачкали этихъ тряпокъ. Надо было видѣть С. Халтурина, съ какимъ ожесточеніемъ бросился онъ на разсудительнаго доктора. Тотъ поспѣшилъ скрыться, предоставивъ С. Халтурину съ товарищами распоряжаться палатой. Мало ли подобныхъ случаевъ пережилъ С. Халтуринъ въ своей жизни! И одинъ ли онъ? Въ 82 г. въ Москвѣ рабочіе завода Бромлея, позднѣе у Девисона въ мастерской, устроили забастовки съ жестокими избиеніями начальства безъ всякаго призыва къ тому. Имъ не успѣли еще и объяснить, что такое терроръ, а они уже проявляютъ его; съ маленькихъ дѣлъ начинаются большія. Говорить, что Н. В. вырывала выдающійся рабочій элементъ и затягивала его въ терроръ по крайней мѣрѣ не умно, неискренно. Соціалдемократами 90-хъ годовъ, кажется, достаточно потрачено силъ на то, чтобы удержать рабочее движеніе въ мирныхъ рамкахъ, достаточно осуждали они не только терроръ, но и мысль о немъ. И что же теперь мы видимъ? Частный и массовый терроръ. Такъ было и при Н. В. съ тою только разницею, что послѣдняя считалась съ настроеніемъ, старалась быть его выразительницею, старалась примѣнить, использовать всѣ его силы, развитъ до широкихъ размѣровъ. И въ этомъ ея заслуга: она показала, что борьба возможна, что ее нужно только расширять, а не сводить въ одно русло. Жизнь вполне подтверждаетъ это.

Что было сказано о численности группъ, о способахъ веденія пропаганды и цѣляхъ ея среди петербургскихъ рабочихъ вполне относится и къ другимъ городамъ. Если и бывала какая либо разница, то несущественная.

Для того, чтобы добыть сотню двѣ рублей, добыть шрифту, надо было ѣхать на Волгу—въ Саратовъ, или Нижній-Новгородъ. Кстати сказать объ этихъ двухъ городахъ. Рабочее движеніе въ нихъ было слабѣе, чѣмъ на югѣ, но этотъ вопросъ былъ уже на очереди. Часто слышались жалобы на отсутствіе массоваго движенія. Нѣкоторые изъ членовъ боевой организаціи предложили приурочить террористическіе акты къ массовому движенію. Планъ былъ таковъ: сорганизовать рядъ террористическихъ предпріятій и привести ихъ въ исполненіе по возможности одновременно, въ тоже время подготовить возстаніе въ нѣсколькихъ городахъ и овладѣть ими. Въ этомъ направленіи и сосредоточить всѣ силы. Грандіозный планъ нравился всѣмъ, тѣмъ болѣе, что въ Польшѣ организовалась партія «Пролетаріата». Явилась возможность войти съ нею въ соглашеніе, и дѣйствовать совмѣстно. Южная боевая дружина предложила съѣздъ, на которомъ должны были уча-

ствовать представители съѣрныхъ организацій и представи-
тели «Пролетаріата». На этомъ съѣздѣ предполагалось обсу-
дить именно этотъ планъ. Но созвать съѣздъ въ то время
было не такъ легко. Судейкинъ и Дегаевъ, знавшій лично
многихъ, раскинули широко свои сѣти. То тамъ, то тутъ они
выхватывали людей. Необходимо было устранить ихъ. Кромѣ
того заняться подготовительными работами въ городахъ, на-
мѣченныхъ для возстанія. Необходимо было немедленно устрои-
тъ нѣсколько типографій. Въ началѣ 84 г. Судейкина уже не
стало. Многие остались недовольны, что Дегаевъ остался не
наказаннымъ. Говорили, что онъ могъ снова попасться въ
руки правительства и оказывать ему услуги. Въ Харьковѣ
былъ убитъ предатель и провокаторъ Федоръ Шкряба, спо-
движникъ Судейкина, долго подвизавшійся на этомъ поприщѣ.
Какъ ловко онъ дѣйствовалъ, можно судить потому, что по-
слѣ убійства, харьковскіе чернопередѣльцы обвиняли Народо-
вольцевъ въ ошибкѣ. Убѣдились они только тогда, когда полу-
чили доказательства самаго Судейкина. Въ началѣ 84 г. начались
аресты на югѣ Россіи. Была арестована типографія въ Кіевѣ.
Два ареста съ вооруженнымъ сопротивленіемъ. Погромъ рас-
пространился на сѣвѣрѣ. Арестовали Салову и Лонатина,
вслѣдъ за которыми пошли аресты по всей Россіи: въ Харь-
ковѣ, Кіевѣ, Ростовѣ, Москвѣ, Одессѣ, Севастополѣ, Ели-
саветградѣ, Полтавѣ и другихъ городахъ. На помощь рево-
люціонной неосторожности явился предатель Элько, который
предалъ то, что еще уцѣлѣло. Онъ выдалъ Лисянскаго и Ан-
тонова. Лисянскаго взяли въ квартирѣ, гдѣ хранились бомбы.
Его арестъ сопровождался вооруженнымъ сопротивленіемъ,
при чемъ нѣсколько полицейскихъ поплатились жизнью. Кро-
мѣ этихъ двухъ лицъ, Элько выдалъ многихъ другихъ въ Во-
ронезжѣ и Екатеринославѣ, не говоря о томъ, что онъ раз-
сказалъ все, что зналъ объ арестованныхъ. Много вралъ, да-
же военный прокуроръ долженъ былъ протестовать противъ
его безстыдной наглости и циничности. На судѣ Элько пла-
калъ отъ трусости. Это тотъ самый Элько, который теперь
живетъ въ Туркестанѣ (въ Ташкентѣ или Самаркандѣ), зани-
мая официальное мѣсто чиновника. Тамъ проживаетъ и его
сподвижникъ Гееръ. Партія «Пролетаріата», не успѣвъ окрѣп-
нуть, тоже была разгромлена. Лучшие члены ея были аресто-
ваны. Хотя одинъ предатель и былъ убитъ, но его мѣсто
заступилъ другой и предалъ остальныхъ. Наступило затишье.
Начались процессы въ Кіевѣ, Харьковѣ, Варшавѣ и С.-Петер-
бургѣ, затѣмъ въ Одессѣ. Движеніе начало замирать, лучшія
силы томилась по тюрьмамъ, на каторгѣ и въ ссылкѣ, а кто
уцѣлѣлъ—покинули Россію. Движеніе не проникло широко въ
массу. Русская интеллигенція, поставлявшая много лѣтъ рево-

люц. борцовъ, какъ бы истощилась. Новымъ силамъ взяться было не откуда. И вотъ наступаетъ мрачное время затишья и царство реакціи. Лишь по временамъ дѣлаются попытки воскресить движеніе. Такими попытками была дѣятельность Сигиды съ товарищами и дѣло Ульянова и Шевырева съ С.-П.-Б. Но это были слабыя огоньки на обширномъ потухающемъ пожарищѣ. Кое гдѣ уцѣлѣли рабочіе кружки, но они были одиноки и вели мирную пропаганду до 90 г. Нѣкоторые изъ нихъ погибли по дѣлу Гинзбургъ. Часто приписываютъ гибель партіи Н. В. тому, что она отводила слишкомъ много мѣста террору, слишкомъ увлеклась политическими задачами и мало обращала вниманія на рабочую массу. Такіе упреки могутъ дѣлать только люди, живущіе далеко и долго внѣ Россіи и знающіе ее только со словъ людей съ бойкимъ перомъ. Изъ прекраснаго далека имъ видно было только то, что всплывало наружу, что оглашало всю Европу, таковы террористическіе факты. А о той работѣ, которая шла безъ всякаго шума, въ нѣдрахъ рабочей массы, они не знали и не могли знать. Втянувшись въ германскую жизнь, обвинители не могли смотрѣть на русское движеніе, какъ на русское, а хотѣли, чтобы оно было такимъ же, какъ и въ Германіи. Если не съ парламентскимъ шумомъ и комфортомъ, то во всякомъ случаѣ съ рабочими собраніями, съѣздами, кассами, хладнокровными мирными забастовками и пр. и пр. Такъ какъ ничего подобнаго не было — Россія не Германія — то и рабочаго движенія не было. Побывавъ нѣмецъ зимою въ Сибири и вернувшись на родину, сталъ утверждать, что ни весны, ни лѣта тамъ нѣтъ и не бываетъ. Тоже самое и тутъ. Дѣло не въ томъ совсѣмъ. Не надо забывать, что Н. В. пришлось работать въ то время, когда рабскій духъ крѣпостничества не успѣлъ заглухнуть, когда промышленность только зарождалась, когда реформа 19-го февраля висѣла пріятнымъ кошмаромъ надъ русской землей, когда на 100 человѣкъ приходилось только 10-12 чел. грамотныхъ, когда легальная литература была достояніемъ немногихъ, — тогда могло быть одно изъ двухъ: или стихійное движеніе, массовое, или партійное какъ Народовольческое. Первое было предупреждено 19-мъ февралемъ. Оставалось второе. Его и избрала Н. В. Но ей не доставало массоваго движенія, создать которое въ нѣсколько лѣтъ не могла бы никакая организація. Теперь это движеніе есть. И что же мы видимъ среди революціонныхъ организацій? Каково ихъ отношеніе къ массовому движенію? Семейная рознь. Сколько силъ тратится на это, а масса остается безъ активной организаціи! Какъ не своевременны теперь споры изъ за словъ и мѣстничества и какъ необходимо объединить всѣ истинно-революціонныя силы и дружнымъ ударомъ разрушить

царство рабства и гнета! Народовольцамъ недостовало массоваго движенія, и они погибли, нерѣдко приводя въ замѣшательство грозное деспотическое правительство.

Теперь массовое движеніе есть, оно растеть, но нѣтъ организаци. Но она должна быть. Безъ нея движеніе расплывется, понесетъ громадныя жертвы, но не измѣнитъ существующаго строя.

EX LIBRIS
MICHAEL Z. VINKOUROFF

14 DAY USE

RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

12 FEB 1959

IN STACKS

JAN 29 1959

REC'D LD
SEP 9 1959

12 FEB 1959

Flickman

SEP 12 1963

REC'D LD

AUG 21 1963